

Мы знаем, что наши враги лгут нам. Но какая разведывательная операция могла бы убедить вас в том, что их заявление — не ложь и не оперативная легенда? Что нет никакого советско-американского отставания в ракетной технике. Что Хусейн не скрывает оружие массового уничтожения. Если отсутствие доказательств не является доказательством отсутствия, то что, черт возьми, вообще может им быть?

Т. Маккредди Хьюз. Жизнь в разведке

Часть первая

МАХМУД ЭЗЗЕДИН, 1591 Г.

В своей переписке с султаном [прося о помощи в борьбе с испанскими католиками] королева [Елизавета I] подтвердила тот факт, что, будучи христианкой-протестанткой, она отвергла идолопоклонничество, которое практиковали папа и испанский король. Ее христианство, как она намекала, было ближе к исламу, чем католицизм... Католики говорили [в Константинополе], что «англиканам не хватает сущего пустяка, чтобы сделаться правовеерными мусульманами: достаточно лишь шевельнуть пальцем — и станут они едины с турками по внешнему виду, по религиозным обрядам и во всех характерных особенностях».

Набия Матар. Ислам в Британии,

1558—1685

В начале 1591 года по христианскому летоисчислению визири Мурада Великого^{1*} — третьего османского султана, носящего такое имя, Хранителя Двух Святынь², Халифа Халифов — собрались во Дворце счастья³, что в Константинополе, в стране турок, и отправили посольство в далекое, бессолнечное, отсталое, промозглое, языческое королевство на самом краю цивилизованного мира. Султан назначил послом человека преданного, достойного доверия — пусть и не играющего важной роли при дворе, — и уполномочил его вести переговоры с обитателями этого клочка сырой земли.

Так или иначе, было необходимо послать кого-нибудь, чтобы обсудить торговлю, охранные свидетельства и возвращение на родину несчастных турецких моряков, захваченных пиратскими судами, которые прятались в гаванях этого варварского острова. Пираты процветали под покровительством взбалмошной султанши, ожесточившейся из-за нищеты, слабости, вселяющей страх изоляции и противоестественного статуса незамужней женщины у власти. Она также

* Текст примечаний см. в конце книги.

умоляла османского султана о поддержке в борьбе с врагами, поскольку увязла в кровавой и бесконечной сектантской войне с себе подобными в связи с каким-то непостижимым разногласием по поводу их фальшивой религии. Султан счел, что пришло время отправить компетентного человека на остров англичан, чтобы добиться от королевы уступок.

И вот посол и его свита собрались на край света. Посол — евнух, который родился христианином в Португалии и постиг истину Мухаммеда, в возрасте одиннадцати лет попав в плен — возглавлял небольшую компанию, всего четырнадцать человек: его главный советник, доктор медицины, слуги, писцы, охранники. Он вез для султанши, помимо множества других подарков, пару львов, ятаган, рог единорога и десяток английских пиратов, захваченных турецкими моряками.

Этот последний подарок обеспечил послу и его спутникам торжественную встречу с факелами в Лондоне, возле церкви Святого Лаврентия у Гилдхолла⁴, где толпа горожан таращилась на гостей, пока они извилистым путем направлялись к большому дому, где им предстояло жить пять месяцев до возвращения в Константинополь.

Доктор Махмуд Эзедин, отвечавший в первую очередь за здоровье посла и по остаточному принципу — всех прочих участников посольства, пытался избежать этого путешествия, но о его участии попросили особым образом.

Он обогатился и приобрел репутацию, заполучил расположение и почет, жену и ребенка, дом и безопасность исключительно благодаря тщательно накопленным медицинским знаниям. Он возвысился до того, чтобы стать одним из врачей, которым были доверены тела самого султана и его семьи, и жил в Константинополе, ни в чем не нуждаясь. Не было ровным счетом ничего приятного в том, чтобы на год расстаться с женой, не видеть, как растет сын, не пытаться зачать второго ребенка. Успеха в этом деле пока что не наблюдалось, но доктор наслаждался процессом. И, что не менее важно, не было ничего приятного в том, чтобы оказаться вдали от семьи властителя, чье здоровье он оберегал и лелеял даже больше, чем собственное.

Он осмелился поинтересоваться у влиятельного придворного, нельзя ли сделать так, чтобы вместо него послали другого врача. Придворный сказал, что попробует разузнать, но, должно быть, сделал это неуклюже, ибо через несколько дней к Эзедину домой явился

Джафер⁵ бин Ибрагим — будущий главный советник посла в экспедиции.

— Доктор Эзедин,— сказал Джафер за кофе и инжиром, которые укутанная в прозрачное покрывало жена доктора, Сарука, принесла во внутренний двор и подала в тени иудиных деревьев⁶ в розовом цвету.— Это я предложил султану отправить вас в Англию. И он с энтузиазмом воспринял идею, что вы будете нас всех оберегать. Неужели вы отказываетесь?

— Ну что вы, я и не думал отказываться.

— Рад слышать это из ваших уст. Я ошибочно истолковал речи некоего придворного недоумка, который исказил ваши слова и душевные порывы. Будьте осторожнее с тем, кому вы их доверяете. Могу я взять еще один инжир?

Сын доктора, Исмаил, проплакал две ночи после того, как узнал о приближающемся отъезде отца в христианскую Англию.

— Но ведь я не уезжаю так уж надолго,— сказал доктор Саруке, когда мальчик устал рыдать и заснул.— Привезу ему что-нибудь английское в подарок. Приятно думать, что по мне будут так скучать.

Он потянулся через кровать к руке жены.

— Он боится, что ты не вернешься,— сказала она.— Он говорил мне, что боится, будто тебя съедят львы.

— Я успокою его. У англичан нет львов.

Однако на следующее утро мальчик был не в том настроении, чтобы с ним сюсюкались.

— Я не говорил «львы»! — заявил он, топнув ножкой.— Я сказал — Львиное Сердце. Ты отправляешься туда, откуда пришел Ричард Львиное Сердце.

Эзедин постарался не рассмеяться.

— Но Львиное Сердце давно умер. И все крестосцы давным-давно потерпели поражение. Крестосцев больше нет.

— Но его народ все еще может быть таким же, как он. И они захотят тебе навредить.

— Обещаю, со мной все будет хорошо,— сказал доктор Эзедин, целуя мальчика в макушку. Пахло чем-то сухим и сладким, как цветочная пыльца.

Сарука сказала ему вечером перед отъездом:

— Плохо, что ты уходишь. Я не хочу смотреть, как ты уезжаешь. Поэтому я тренируюсь: воображаю, что это уже случилось, и пытаюсь принять случившееся. Я не хочу проклинать твое отсутствие.

Утром на улице, пока сын цеплялся за его ногу, жена поцеловала Махмуда Эзедина.

— Я принимаю,— сказала она, прежде чем заплакать и оттащить плачущего мальчика.

Доктор отправился к морю. Он старался не оглядываться, но ничего не вышло.

В период пребывания в Англии посол и его люди побывали на аудиенциях у английской султанши в Гринвичском дворце⁷ и еще одном, Несравненном⁸, а сами, в свою очередь, принимали ее и сопровождающих на пирах *à la Turkeska** в резиденции посла, где самостоятельно забивали животных и готовили мясо надлежащим образом. Официальные переговоры тянулись несколько месяцев, в холодных комнатах королевских дворцов или в принадлежащих владычице зеленых парках. Стороны достигли соглашения относительно морских путей и свободных сухопутных проходов, обмена захваченными пиратами/моряками, различных иммунитетов и способов защиты для англичан, путешествующих по Османской империи. Дипломатия, в основном, представляла собой дуэль воображений, конструирование событий, которые еще не произошли, но внезапно стали весьма насущными.

— А если англичанин, путешествующий по Константинии, пожелает обратиться в религию Мухаммеда? — спросил главный советник посла Джафер бин Ибрагим.

* В турецком духе.

Этот конкретный вопрос позабавил английских переговорщиков, которые никогда не покидали родину, но глубоко встревожил других, кому довелось путешествовать, особенно в магометанских землях. О любой религии, которая обещала богатство, возможности и жен в *этом* мире, а не в загробном, можно было сказать многое. (Туркам эта истина была близка, как воздух, и жить с нею приходилось постоянно. Дома, в Константинополе, бин Ибрагим всегда поспешно продавал рабов-христиан, подумывающих о переходе в истинную веру, поскольку иначе пришлось бы освободить их себе в убыток: порабощение единоверцев — дело противозаконное.)

И наоборот, возник вопрос о турецких купцах, путешествующих по Англии, об их свободном и безопасном проезде по всему королевству, о том, какую защиту королева могла бы гарантировать гипотетическому магометанскому покупателю, скажем, олова. Мог ли такой человек невозбранно поселиться в Лондоне? Или отправиться на рудники вглубь страны? И молиться Аллаху и его святым, как того требовал закон, пять раз в день? Даже когда было указано, что евреи (которые, очевидно, были хуже и опаснее) иногда могли беспрепятственно передвигаться, англичане сочли перспективу турка, свободно путешествующего по их землям, настолько удивительной и явно нездоровой для политики, что эту тему временно отложили. Но затем один из тайных советников королевы, Роберт Бил⁹, отметил, что если (как настаивали турецкие переговорщики) любому англичанину в Османской империи, который со свободной совестью желает присягнуть на верность Мухаммеду, нельзя помешать поступить подобным образом, то любой магометанин, желающий

заявить о своей преданности Иисусу Христу, также может сделать это, находясь в Англии. Посол Османской империи с готовностью согласился на подобную взаимность, не в силах представить себе ни единого соплеменника, который увидел бы выгоду — духовную или денежную — в вероотступничестве или, если уж на то пошло, поселился бы на этом острове навсегда. Англия была попросту слишком бедной, а христианство — слишком малообещающим в том, что касалось жизни бременной. На самом деле, туркам с трудом удалось убедить некоторых английских пиратов покинуть Константинополь. Включая тех, которые сидели в тюрьме.

Тем временем, по предложению доктора Эззедина, все члены посольства собрали закят¹⁰ — кто сколько смог — и заплатили за освобождение или благополучие турецких заключенных, содержащихся в Англии. Эззедин на этом не остановился и в сопровождении стражников обследовал самые темные районы Лондона в поисках общины мавров, которые, по слухам, ожидали охранных документов или денег, позволяющих отправиться в более благоприятные края. Доктор Эззедин щедро одарил бы этих несчастных, сумеет он их найти.

Что бы Сарука и Исмаил подумали об этом месте? Он обрисовал его для них при помощи картинок и слов, все дворцы и скрипучие деревянные здания, где так и не удалось обнаружить мифических мавров. Но истину невозможно было запечатлеть на бумаге. Исмаил часто заявлял, что хочет путешествовать по миру, изведать каждый уголок империи султана, но все еще стеснялся других мальчиков и прятался за ногами отца. Эззедин подозревал, что один вид домов, разрисованных знаками, предупреждающими о чуме, лишит его сна на

несколько ночей. «Иногда гораздо приятнее оставаться дома», — говорил Исмаил отцу почти каждый вечер в течение нескольких недель, когда был поменьше.

Позже Эзедин привел Исмаила посмотреть хранилище карт в Блистательной Порте ¹¹, показал ему отдаленные уголки империи, где находились Сараево, Буда, Афины, Иерусалим и Каир — до них было так много трудных месяцев пути, в разлуке с Константинополем и птичками в клетках, любимицами Исмаила. В знак уважения к доктору мальчику разрешили посмотреть на глобусы и даже покрутить один из них. Эзедин наблюдал, как ребенок с беспокойством начинает осознавать вопрос размеров и расстояний.

— Неужели мы все живем на этой крошечной точке? Но как такое может быть?

Эта идея завладела разумом мальчика на целый месяц, и временами доктор отчаивался заставить сына понять, что к чему.

— Даже мама? Даже мои птицы? Даже ты? Все мы живем внутри черной точки? Но ведь земля снаружи не темная...

В конце концов Сарука преуспела там, где потерпел неудачу сам Махмуд Эзедин. Исмаил объяснил отцу:

— Посмотри, какими маленькими кажутся лодки на воде, когда мы стоим на вершине холма. Но они не маленькие, когда мы рядом с ними. Они не меняются, просто выглядят маленькими. И если бы какая-нибудь птица летела очень высоко, для нее мы казались бы достаточно маленькими, чтобы поместиться в одной точке.

В тот вечер Сарука поддразнивала мужа:

— Если хочешь, чтобы я сама занялась воспитанием мальчика, так и быть — поищу время, свободное от всех ежедневных забот.

На протяжении невыносимо влажного и холодно-го лета посла и его людей развлекали по приказу королевы, устраивая одно торжество за другим, но частенько они не могли есть большую часть подаваемых яств. Оставалось лишь созерцать спектакли и маскарады, танцоров и музыкантов, даже акробата-турка, который уже много лет состоял на службе у Елизаветы. Эззедин спросил его, как он оказался в Англии, но мужчина занервничал, не пожелал беседовать с бывшими соотечественниками, и даже деликатный подход доктора не помешал ему сбежать.

В первый же месяц посольство дважды увидело любимейшее развлечение королевы: кота, наряженного католическим папой, сажали на спину лошади и привязывали к седлу. Лошадь, задрапированная английскими знаменами, рысила по кругу, пока медведь, одетый в ливрею мистера Уолсингема¹², недавно скончавшегося государственного секретаря ее величества, не сбрасывал кота, чтобы разорвать его на куски.

— Это аллегория,— объяснила придворная дама Эззедину.

Доктор отвел взгляд, не желая смотреть, как умирает животное.

Главнейшие из членов посольства отправились кататься верхом с хозяином лошади, фаворитом королевы

(который, как рассудили турки, совершенно очевидно являлся сожителем английской султанши в интимном смысле), графом Эссексом¹³. Граф был рад поохотиться с парой соколов, привезенных послом в подарок ее величеству. Он счел посла достойным и общительным джентльменом и обнаружил, что главный советник Джафер бин Ибрагим «необычайно искусен в обращении с благородными птицами». Именно бин Ибрагим научил Эссекса произносить команды на арабском языке, которые хищники понимали лучше всего. Затем бин Ибрагим удостоился чести быть гостем за столом Эссекса и охотиться с ним наедине. Он часто беседовал с английским военачальником, задавая наивные вопросы, которые заставляли графа говорить без умолку, получая очевидное и предсказуемое удовольствие от возможности чему-нибудь научить невежественного, как ребенок, иноземца.

Бин Ибрагим поощрял членов посольства, которые говорили по-английски или на каком-нибудь языке, понятном англичанам, часами беседовать со странными обитателями этого странного места. Позже, в резиденции посла, он вызывал соотечественников по одному и лично выслушивал доклад обо всем, что они обсуждали, о всяком английском слове и интонации. Затем каждый получал дальнейшие инструкции о том, с кем следует пообщаться на следующий день и на какие темы.

Джафер бин Ибрагим сводил все эти отчеты в устное резюме для посла, которое ежевечерне излагал хозяину в его покоях, удаляя и добавляя определенные детали, чтобы посол все как следует понял. Затем бин Ибрагим возвращался за свой стол, чтобы подготовить для некоего визира в Константинополе письменное

свидетельство. Его бин Ибрагим отправлял всякий раз с уходящим кораблем, в то время как посольство оставалось в Лондоне. Хотя визирь сказал ибн Ибрагиму, что ни один англичанин — ни одна живая душа на всем острове — не может читать по-арабски, все же он зашифровывал донесения. Еще долго после того, как кроткий толстячок-посол начинал удовлетворенно похрапывать, бин Ибрагим вертел гравированную спираль из красного дерева: по ее поверхности перемещались изящные плитки, каждая с двумя буквами, причем одна буква во всякой паре была перевернута. После завершения трудов он крутил шифровальную палочку в обратную сторону, упорядочивая плитки для следующего дня в соответствии с системой, согласованной с визирем до отъезда посольства. И все равно просыпался по крайней мере один раз за ночь в страхе, что допустил какую-нибудь фатальную ошибку и превратил зашифрованное сообщение в абракадабру.